

"Америка обязана многим России" - как Марк Твен в Ялту ездил

26.08.2017

Ровно 150 лет назад в группе туристов из Соединенных Штатов, которые одними из первых посетили российский Крым, оказался выдающийся американский писатель Марк Твен. Своими крымскими впечатлениями он поделился в путевых заметках "Простак за границей". Именно эпизоды, связанные с полуостровом, приоткрыли массовому американскому читателю окно в Россию. Сегодня Твена, по сложившейся уже традиции, подвергли бы санкциям и предали всеобщему осуждению. Но в 1867 году он мог позволить себе смелые слова: "Америка обязана многим России".

В субботу в Ливадийском дворце-музее по инициативе МИД России депутат Государственной Думы РФ Светлана Савченко преподнесла в дар учреждению подлинник черновика приветственного адреса российскому императору Александру II, который в августе 1867 года самодержцу вручила группа американских туристов. Парламентарий запросила документ в Российском государственном военном архиве. Этот текст немного отличается от того, что известен и распространен в сети уже переведенным на русский язык.

Особую ценность полуторавековому исписанному чернилами листочку бумаги придает то, что одним из главных авторов адреса (если вообще не единственным) был будущий классик американской литературы Марк Твен. Узнав о том, что находившийся тогда в Крыму император Александр II готов их принять, американцы, и в том числе писатель, решили в знак глубокого уважения вручить самодержцу адрес. И хотя под документом стоят несколько подписей, считается, что его основным автором был Твен.

"Америка обязана многим России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу во время великих бедствий, — отмечалось в адресе, врученном царю. — С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена, что Америка благодарна сегодня и будет благодарна России и ее Государю за эту дружбу. Мы прекрасно знаем, что само допущение, будто мы когда-нибудь сможем лишиться этой дружбы вследствие какой-либо преднамеренной несправедливости или неверно взятого курса, было бы преступлением". Именно эти слова — "Америка обязана многим России" — сегодня так не любят американские ценители творчества Твена. В другом отрывке того же текста указано признание того, что Россия раньше США отказалась от крепостного права, чем и подала пример молодому государству: "Одна из ярчайших страниц всемирной истории, была начертана рукой Вашего Императорского Величества, когда Ваша воля расторгла узы двадцати миллионов людей, и великая честь для американцев воздавать почести Государю, совершившему столь великий поступок. Преподанный нам урок был осмыслен сполна и сейчас мы можем с уверенностью заявить, что представляем нацию, столь же свободную в действительности, какою она была прежде только по названию". Работая со спутниками над текстом, писателю пришлось проявить не только собственно литературные, но и редакторские и даже дипломатические способности. К примеру, в первоначальном варианте, который сегодня пополнил фонды Ливадийского дворца-музея, американцы, представляясь венценосному адресату, указали, что путешествуют "исключительно" ради отдыха (досуга), однако в итоге от "исключительности" отказались. Так же они предпочли назвать США не своим "любимым отечеством", как хотели сначала, а "страной, к которой исполнены любовью". Еще один из черновых вариантов текста, записанного Твеном в его записной книжке, содержит достаточно интересную в дипломатическом отношении фразу, которая, спустя полтора века, на фоне кризиса американо-российских отношений приобретает особое звучание: "Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и ее государю живет и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком". Своими крымскими впечатлениями Твен

поделился в путевых заметках "Простак за границей". Именно эпизоды, связанные с полуостровом, приоткрыли массовому американскому читателю окно в Россию. К полуторавековому юбилею поистине знакового визита корреспондент РИА Новости (Крым) вспомнил детали крымских приключений будущего классика.

Флаг вместо паспорта

Зафрахтованный одной американской турфирмой, пароход "Квакер-сити" должен был довести граждан Соединенных Штатов в Палестину, к святым местам, а по пути заглянуть в некоторые европейские порты. На борту корабля находился спецкор газеты "Алта Калифорния" Марк Твен, он же Самюэль Клеменс. Свежие впечатления от путешествия, благодаря труду почтовиков, стремительно преодолевали океан и тотчас ложились на полосы издания. А со временем составили книгу, принесшую автору настоящую славу не только в Америке, но и далеко за ее пределами.

Из Турции к побережью Крыма Твен и его спутники прибыли 24 августа (по новому стилю). Разочарованный турецкими банями и местным кофе, "воспетым многими поколениями поэтов", гость из Нового Света, ступил на крымскую землю. И увидел Севастополь. "... Мы должны быть довольны тем, что побывали в нем, ибо еще ни в одной стране нас не принимали с таким радушием, — здесь мы чувствовали, что достаточно быть американцем, никаких других виз нам уже не требовалось", — пишет он. Действительно, у путешественников ни разу не попросили предъявить паспорт! Пикантности ситуации добавляло то, что свой документ авантюрист Твен потерял и в Россию отправился с паспортом соседа по каюте, оставшегося в Константинополе. "Прочитав его приметы в паспорте и взглянув на меня, всякий сразу увидел бы, что у меня с ним сходства не больше, чем с Геркулесом", — иронично замечал писатель. По его словам, одним большим паспортом для всех путешественников был американский флаг, реявший над судном. Радушие россиян к заокеанским гостям во многом объяснялось и тем, что это был едва ли не первый в истории визит американских туристов в Крым. Писатель признавался, что разговаривал с русскими "просто из дружеского расположения", которое, по его словам, побуждало и их говорить с ним. "Я уверен, что беседа доставила удовольствие обеим сторонам, хотя никто из нас не понимал друг друга", — отметил он. Весьма угнетающее впечатление произвел на писателя Севастополь, разрушенный во время Крымской войны. "Тут и там ядра застряли в стенах, и ржавые слезы сочатся из-под них, оставляя на камне темную дорожку, — образно описывал атмосферу разрушенного Севастополя раздосадованный писатель и тут же замечал: — Помпея сохранилась куда лучше Севастополя. В какую сторону ни глянь, всюду развалины, одни только развалины! Разрушенные дома, обвалившиеся стены, груды обломков — полное разорение. Будто чудовищное землетрясение всей своей мощью обрушилось на этот клочок суши. Долгих полтора года война бушевала здесь и оставила город в таких развалинах, печальнее которых не видано под солнцем". Тогда же в одной из записных книжек Твен признался, что во время прогулки не насчитал и трех десятков домов, пригодных для жилья: "Все их надо отстраивать заново".

Ялта как Сьерра-Невада

Чтобы пополнить запасы угля, из Севастополя "Квакер-сити" отправился в Одессу, которая по виду показалась писателю "точь-в-точь американским городом". Как и ранее в Севастополе, в этом городе туристам "горячо советовали" посетить отдохнувшего в Крыму российского императора Александра II. И гости совету вняли. "Его Величеству послали телеграмму, и он выразил готовность удостоить нас аудиенции", — пишет Твен. Находившийся в Одессе американский консул проинструктировал сограждан о деталях высочайшего приема. Он пояснил, что путешественникам следует составить небольшой адрес его величеству и вручить его кому-нибудь из адъютантов, который в надлежащую минуту поднесет его императору. Тогда же черновой вариант адреса, переведенный

на русский язык, опубликовал "Одесский вестник". Примечательно, что он попал в печать раньше оригинала, и фактически стал первой публикацией Марка Твена в России. По возвращении в Крым американское судно бросило якорь у берегов Ялты. Последняя очаровала писателя, напомнив Сьерра-Неваду. "Высокие суровые горы стеной замыкают бухту, их склоны щетинятся соснами, прорезаны глубокими ущельями, то здесь, то там вздымается к небу седой утес, длинные прямые расселины круто спускаются от вершин к морю, отмечая путь древних лавин и обвалов, — все как в Сьерра-Неваде, верный ее портрет. Деревушка Ялта гнездится внизу амфитеатра, который, отступая от моря, понемногу подымается и переходит в крутую горную грядку, и кажется, что деревушка эта тихо соскользнула сюда откуда-то сверху. В низине раскинулись парки и сады знати, в густой зелени то там, то тут вдруг сверкнет, словно яркий цветок, какой-нибудь дворец. Очень красивое место", — отмечал Твен.

В "Памятной книге Таврической губернии" за 1867 год сообщается, что в городе проживали 990 человек, насчитывалось 113 каменных и 5 деревянных зданий, в том числе 108 частных жилых домов. Вероятно, малочисленность Ялты подвигла писателя назвать этот город деревушкой.

"Величественнее Наполеона и турецкого султана"

26 августа делегация американцев отправилась на прием к российскому императору Александру II в имение Ливадия. "Каждому было ясно, что нам дадут понять, сколь искренни дружеские чувства России к Америке, если уж даже частных лиц удостаивают такого любезного приема. Мы проехали в экипажах три мили и в назначенный час собрались в прекрасном саду, перед императорским дворцом", — продолжает свой рассказ о пребывании в Крыму писатель. В полдень гостей в окружении официальных лиц собрали в саду императорского имения. Спустя пять минут, как отметил Твен в записной книжке, перед ними появился самодержец вместе с членами семьи. Одесский консул зачитал адрес. "Во время чтения царь несколько раз повторил: "Мило, очень мило"; потом сказал: "Спасибо вам, большое спасибо!", — зафиксировал момент в своей записной книжке писатель.

В сановниках, окружавших императорское семейство, Твен почувствовал русский характер ("сама любезность, и притом неподдельная"). "Француз любезен, но зачастую это лишь официальная любезность. Любезность русского идет от сердца, это чувствуется и в словах и в тоне, — поэтому веришь, что она искренна... Царь перемежал свои слова поклонами", — подчеркнул он. И тут же, воздавая должное масштабу российского императора, добавил: "Подверни он ногу, и телеграф понесет эту весть над горами и долами, над необитаемыми пустынями, по дну морскому, и десять тысяч газет раззвонят об этом по всему свету; заболит он тяжело — и не успеет еще заняться новым днем, а во всех странах уже будут знать об этом; упади он сейчас бездыханный — и от его падения закачаются троны полумира!". В записной книжке Твен отметил, что Александр II "выглядит много величественнее императора Наполеона (Наполеона III — ред.) и в сто раз величественнее турецкого султана".

Дворцовые прогулки

В окружении свиты царь провел гостей по дворцу — бывшему дому графа Льва Потоцкого, к тому времени перестроенному. "Мы уже привыкли, что дворцы нам показывает какой-нибудь ливрейный лакей, весь в бархате и галунах, и требует за это франк, но, побеседовав с нами полчаса, император всероссийский и его семейство сами провели нас по своей резиденции. Они ничего не спросили за вход, — удивился писатель. — По-видимому, им доставляло удовольствие показывать нам свои покои. Полчаса мы бродили по дворцу, восхищаясь уютными покоями и богатой, но совсем не парадной обстановкой". Показал Александр II гостям и Малый дворец (Дворец наследника), который, по словам его создателя, архитектора Ипполита Монигетти, был

построен "в татарском вкусе" и внешним и внутренним убранством напоминая Ханский дворец в Бахчисарае. Ни одно из зданий до наших дней не сохранилось: на месте снесенного Большого дворца по проекту архитектора Петра Краснова в 1911 году возвели новый Белый царский дворец, известный в наши дни как Ливадийский, а Малый дворец советским войскам в 1941 году пришлось сжечь при наступлении гитлеровцев.

Из Ливадии американские туристы по приглашению младшего брата императора, великого князя Михаила Николаевича, отправились в бывшую резиденцию Николая I в Ореанде. "Красивый дворец со всех сторон обступают могучие деревья старого парка, раскинувшегося среди живописных утесов и холмов; отсюда открывается широкий вид на покрытое рябью море. По всему парку в укромных тенистых уголках расставлены простые каменные скамьи; тут и там струятся прозрачные ручейки, а озерца с поросшими шелковистой травой берегами так и манят к себе; сквозь просветы в густой листве сверкают и блещут прохладные фонтаны, — они устроены так искусно, что бьют, кажется, прямо из стволов могучих деревьев; миниатюрные мраморные храмы глядят вниз с серых древних утесов; из воздушных беседок открывается широкий вид на окрестности и на морской простор. Дворец построен в стиле лучших образцов греческой архитектуры, великолепная колоннада охватывает внутренний двор, обсаженный редкостными благоухающими цветами, а посередине бьет фонтан — он освежает жаркий летний воздух и, может быть, разводит комаров, а пожалуй, что и нет", — охотно делился переполнявшими его впечатлениями Марк Твен. И вряд ли он знал, что парк, "Императорский сад в имении Ореанда", создавали ведущие южнобережные садовники во главе с Николаем фон Гартвисом — вторым директором Никитского ботанического сада, чей период руководства, кстати, современники называли "золотым веком" в истории учреждения. К моменту прибытия заокеанских гостей дворец принадлежал брату императора, великому князю Константину Николаевичу, который называл свое имение "раем земным". Увы, через 14 лет, в августе 1881 года, дворец сгорел из-за нелепой случайности.

Бал и "сладостное имя"

Последний крымский день Твен провел на судне, куда один за одним засвидетельствовать свое почтение американцам шли именитые россияне. Твен весьма выпукло описал радужную атмосферу, царившую на пароходе: "К завтраку, разумеется, подали шампанское, но человеческих жертв не было. Гостям и шуткам не было конца, однако речей не произносили, если не считать той, в которой благодарили генерал-губернатора, а в его лице царя и великого князя, за гостеприимство, и ответного слова генерал-губернатора, в котором он от лица царя благодарил за эту речь, и пр. и пр.". В честь таврического губернатора Григория Жуковскоко американцы устроили салют! "Мы салютовали ему девятью выстрелами. Он явился в сопровождении своего семейства. По пути его следования — от кареты до мола — расстелили ковры, хотя я уже видел, что, когда он был не при исполнении служебных обязанностей, он прекрасно обходился без всяких ковров", — рассказал Твен. Также американских "простаков" посетили бывший правитель Русской Америки барон Фердинанд Врангель (которого писатель ошибочно назвал послом России в Вашингтоне) и строитель железных дорог, "железнодорожный король" барон Карл Унгерн-Штернберг. Заглянул на огонек и знаменитый военный инженер Эдуард Тотлебен, создатель легендарной крепости Керчь, а еще "множество менее высоких армейских и флотских чинов, а также немало неофициальных гостей — русских дам и господ". © Фото с сайта shekhov-yalta.org Ялта. Отход парохода. Открытка начала XX века. День визитов, 26 августа, завершился грандиозном балом, где писатель познакомился с "прелестной девушкой", "сладостное имя" которой позже преследовало его во сне. С русской красавицей 31-летний ловелас целый час танцевал "удивительный танец", болтал без умолку и от души хохотал: "При этом ни один из нас не понимал, куда

гнет другой. Но какое это было удовольствие!". В таком романтическом настроении будущий классик американской литературы покинул Крым.